

Декарбонизация как драйвер экономической трансформации

Б. К. Есекина,¹ М. А. Юлкин²

Декарбонизация экономики, ее перевод на низкоуглеродный путь развития с целью уменьшения, а в перспективе исключения негативного воздействия на климат являются не только долгосрочной экономической стратегией ведущих стран мира, но и стержнем реализуемых ими мер по выходу из экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Выступая 28 апреля т.г. на виртуальном Петербургском Климатическом саммите, собравшем представителей более чем 30 стран, Генеральный секретарь ООН Антониу Гуттереш призвал в первую очередь поддерживать те бизнесы и компании, которые создают зеленые рабочие места и обеспечивают устойчивое, инклюзивное развитие. «Правительства не должны использовать средства налогоплательщиков для спасения компаний, работающих на ископаемом топливе, и отраслей с высоким уровнем выбросов CO₂. Пакеты антикризисных мер после коронавируса следует ориентировать на оказание помощи тем компаниям, которые сокращают выбросы парниковых газов и создают зеленые рабочие места», – сказал он.³

Исследования показывают, что сокращение выбросов парниковых газов и декарбонизация мировой экономики на основе коллективных действий и международного сотрудничества благоприятно отразится на экономическом положении всех стран. В противном случае глобальное изменение климата может пойти слишком далеко и обернуться тяжелыми последствиями, в том числе экономическими, от которых ни одна страна не может считать себя застрахованной. Так, в случае недостижения целей Парижского соглашения потери мировой экономики к концу столетия составят, по оценкам, порядка 600 трлн. долларов США, если страны хотя бы выполнят заявленные ими вклады в смягчение климатических изменений, и не менее 800 трлн. долларов США, если не выполнят и этого.⁴

С учетом этого следует уже в ближайшее время ожидать ускорения развития зеленых отраслей, чему будут способствовать не только правительственные меры поддержки, но и новые массовые инвестиции, в том числе за счет перетока средств из традиционных, углеродоемких секторов, которые оказались наиболее уязвимыми в период кризиса.

В новом отчете, выпущенном в апреле 2020 г., Международное энергетическое агентство констатировало, что кризис привел к падению спроса практически на все традиционные энергоносители. По итогам года снижение спроса на уголь составит, по оценкам, 8%, на природный газ – 5%.⁵ Рынок нефти штормит так, что в отдельные дни цены на нефтяные фьючерсы уходят в отрицательную зону.

На этом фоне энергетика с низким уровнем выбросов парниковых газов (солнечная, ветровая, атомная и гидроэнергетика) оказалась более устойчивой и демонстрирует высокие результаты. Ожидается, что к концу года ее вклад в выработку электроэнергии в целом по миру увеличится до 40%, а глобальные антропогенные выбросы углекислого газа (CO₂) сократятся на 8%.⁶

¹ д.э.н., проф., Член Совета по зеленой экономике при Президенте Республики Казахстан, Директор НОЦ «Зеленая академия», г. Нур-Султан (Казахстан)

² Генеральный директор АНО «Центр экологических инвестиций», основатель и генеральный директор ООО «КарбонЛаб», эксперт Международного центра устойчивого энергетического развития под эгидой ЮНЕСКО, г. Москва (Россия)

³ См. <https://www.theguardian.com/environment/2020/apr/28/un-chief-dont-use-taxpayer-money-to-save-polluting-industries>

⁴ См. Wei, Y., Han, R., Wang, C. *et al.* Self-preservation strategy for approaching global warming targets in the post-Paris Agreement era. *Nat Commun* 11, 1624 (2020). <https://doi.org/10.1038/s41467-020-15453-z>

⁵ См. Global Energy Review 2020. – МАЭ, апрель 2020. <https://www.iea.org/reports/global-energy-review-2020>

⁶ Там же

Вполне уверенно чувствует себя и сектор зеленого транспорта. Несмотря на эпидемию, выручка Теслы по итогам 1-го квартала выросла по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 38%, что позволило компании впервые показать чистую прибыль.⁷

Можно привести и другие примеры. Их множество. Ясно одно: коронавирус и вызванный им кризис обрушили традиционный экономический уклад и в то же время послужили мощным катализатором перемен. А значит, выходить из кризиса мир будет не по той траектории, по которой в него входил, а по другой – той, которая, в конечном счете, ведет к более устойчивому, более безопасному для планеты и человека экономическому и технологическому укладу. Будут, разумеется, на этом пути эксцессы, и конфликты и даже попятные шаги. Но общий тренд вырисовывается уже вполне отчетливо.

В этой связи возрастает важность и актуальность разработки национальных стратегий низкоуглеродного развития, рассчитанных на период до середины века. Возрастает и значение этого документа. Теперь это уже не просто дорожная карта по декарбонизации экономики и ее отраслей. В сложившихся условиях низкоуглеродная стратегия должна стать главным стратегическим документом, в котором определены цели, приоритеты и ключевые направления экономического развития страны в контексте и в согласии с глобальным низкоуглеродным трендом, а также комплекс мер по обеспечению такого развития, включая первоочередные.

Прежде всего, это относится к странам, поставляющим на мировые рынки ископаемые углеродные энергоресурсы и углеродоемкую продукцию. Таким, как Россия и Казахстан. И не важно, что Россия входит в пятерку крупнейших стран-эмитентов парниковых газов, а на долю Казахстана приходится чуть более 0,5% глобальных антропогенных выбросов. Есть три фактора, которые позволяют отнести обе страны к одной группе.

Первое. По выбросам CO₂ на душу населения Россия и Казахстан входят в двадцатку стран с наивысшими показателями. Причем Казахстан стоит в этом списке на 10-м месте, а Россия на 17-м (см. Табл. 1). **Для сравнения:** Китай в расчете на душу населения выбрасывает в атмосферу на 40% меньше CO₂, чем Россия, и почти на 60% (т.е. в 2,5 раза) меньше, чем Казахстан.⁸

Второе. В расчете на 1000 долл. ВВП (по ППП) выбросы CO₂ в Казахстане **в 1,8 раз выше**, чем в среднем по миру, и почти **в 3 раза выше**, чем в среднем в ЕС. У России показатели не многим лучше – 1,4 и 2,3 раза соответственно.⁹ Это осложняет обеим странам экспорт продукции перерабатывающих отраслей, поскольку в низкоуглеродном мире удельные выбросы парниковых газов имеют значение и являются фактором рыночной конкуренции.

Более того, страны-импортеры намереваются в самое ближайшее время ввести механизмы углеродного регулирования импорта для защиты внутреннего рынка от климатического демпинга внешних поставщиков. Речь может идти об углеродных налогах на ввозимую углеродоемкую продукцию либо об обязанности приобретать в установленном порядке разрешения на выбросы парниковых газов для покрытия углеродного следа ввозимой продукции.¹⁰ ЕС запланировал внедрение такого механизма на второй квартал 2021 года.¹¹ За ним могут последовать и другие крупные страны-импортеры. Это грозит поставщикам потерей части валютной выручки, а при определенных условиях может сделать экспорт продукции в эти страны экономически бессмысленным.

⁷ См. <https://ir.tesla.com/static-files/c1723af4-ffda-4881-ae12-b6f3c972b795>

⁸ См. <https://ourworldindata.org/per-capita-co2>

⁹ См. <https://data.worldbank.org/indicator/EN.ATM.CO2E.PP.GD>

¹⁰ В некоторых юрисдикциях это уже работает. Например, в Калифорнии такая схема предусмотрена для электроэнергии, поставляемой из-за пределов штата. В ЕС аналогичный механизм действует в отношении воздушных перелетов между аэропортами внутри ЕС.

¹¹ См. <https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say/initiatives/12228-Carbon-Border-Adjustment-Mechanism>

Табл. 1. Страны с наивысшими показателями выбросов CO₂ на душу населения (по данным за 2017 г.)

№ п/п	Наименование страны	Выбросы CO ₂ на человека в год, т	№ п/п	Наименование страны	Выбросы CO ₂ на человека в год, т
1	Катар	49,18	11	Люксембург	15,93
2	Тринидад и Тобаго	29,72	12	Канада	15,64
3	Кувейт	25,24	13	Эстония	15,13
4	ОАЭ	24,66	14	Оман	14,06
5	Бруней	23,86	15	Туркменистан	12,63
6	Бахрейн	23,08	16	Южная Корея	12,08
7	Саудовская Аравия	19,28	17	Россия	11,76
8	Австралия	16,90	18	Тайвань	11,50
9	США	16,24	19	Исландия	10,39
10	Казахстан	16,07	20	Чехия	10,16

Источник: <https://ourworldindata.org/per-capita-co2>

Наконец, третье. Доминирующую роль в российском и казахстанском экспорте играет ископаемое углеродное топливо, сжигание которого приводит к выбросам парниковых газов в странах-импортерах. Масштабы, конечно, разные. Сжигание российского топлива в странах-импортерах дает на круг порядка 2 млрд. тонн CO₂-экв. выбросов парниковых газов в год, тогда как вклад Казахстана гораздо скромней – всего порядка 300 млн. тонн CO₂-экв. в год.¹² Но риск в обоих случаях одинаковый. Декарбонизация экономик стран-импортеров с сокращением выбросов парниковых газов до нуля рано или поздно обнулит их спрос на ископаемое углеродное топлива. Для России и для Казахстана это может означать сокращение экспорта, падение производства в топливных и смежных отраслях и, как следствие, сжатие ВВП. Если не предпринять решительных мер по декарбонизации производства и экспорта. Причем безотлагательно. Благо, возможности для этого у России и у Казахстана имеются. Стоит только оглядеться.

Поэтому, планируя антикризисные меры по преодолению последствий коронавируса и решая, куда и на какие цели в первую очередь направить средства, важно не потерять из виду стратегическую перспективу и сделать правильный выбор с учетом всех факторов, включая глобальную декарбонизацию и связанные с ней риски и возможности.

К сожалению, представленный Министерством экономического развития России проект Стратегии долгосрочного развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года не может служить примером. Согласно этой стратегии, выбросы парниковых газов в России должны к 2050 году не сократиться, а вырасти более, чем на четверть по сравнению с текущим уровнем, а промежуточная цель на 2030 год предусматривает увеличение выбросов без малого на одну треть. Это не соответствует ни климатическим целям Парижского соглашения, ни тем экономическим вызовам, которые создает для России глобальный переход к низкоуглеродному развитию. Фактически стратегия предлагает ничего существенно в экономике и в экономической политике не менять, а реагировать на вызовы ситуативно, по мере их поступления, а не превентивно.

¹² Интересно, что и в обоих случаях выбросы парниковых газов от экспорта ископаемого углеродного топлива практически равны собственным выбросам парниковых газов в странах-экспортерах. Так, в России выбросы парниковых газов (без учета земле- и лесопользования) оцениваются в 2,2 млрд. тонн CO₂-экв. в год (см. Национальный доклад о кадастре антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом, за 1990 – 2018 гг. – Москва, 2020), а в Казахстане – в 300,9 млн. тонн CO₂-экв. в год (см. Environmental Performance Reviews. Kazakhstan. Third Review. – United Nations Geneva, 2019).

То же можно сказать и об Энергетической стратегии на период до 2035 года, которую одобрило недавно Правительство РФ. Там сказано, что, являясь одновременно крупным производителем, потребителем и экспортером всех видов углеродных энергоресурсов, а также одним из мировых лидеров в атомной энергетике и гидроэнергетике, Россия занимает уникальное место в рамках сложившегося в конце XX века ресурсно-сырьевого и технологического уклада мировой энергетике, и что, несмотря на происходящие сегодня в мировой и в российской энергетике процессы, которые приведут к смене этого уклада, он сохранится до 30-40-х годов текущего века. Поэтому целью развития российской энергетике следует считать, «с одной стороны, максимальное содействие социально-экономическому развитию страны, а с другой – укрепление и сохранение позиций в мировой энергетике, как минимум, на период до 2035 года».

На самом деле, никаких благоприятных 15 лет впереди у России нет, а то, что есть, наглядно показал нынешний кризисный год. И лучше не будет. В условиях глобальной декарбонизации углеродные энергоресурсы не являются и не могут являться драйверами экономического роста. Наоборот, они становятся тормозом развития, отвлекая на себя все больше средств и ресурсов и давая все меньше отдачи для экономики и бюджета. Значит, главной целью должно быть не сохранение на следующие 15 лет позиций в мировой энергетике в рамках ресурсно-сырьевого и технологического уклада конца XX века, а скорейшая декарбонизация российской энергетике с выходом на новые зеленые рынки для обеспечения лидерства страны в рамках нового низкоуглеродного уклада. При такой стратегии появляется перспектива, становятся понятны приоритеты и фронт работ на поколения вперед. Аналогичный стратегический курс можно рекомендовать и Казахстану.

Ратифицировав Парижское соглашение в 2016 г., Республика Казахстан активно проводит политику перехода к углеродному развитию. В стране действует отчетность по выбросам парниковых газов, аттестованная РКИК ООН, запущена система квотирования и торговли выбросами как главный экономический механизм их регулирования и сокращения, растут инвестиции в ВИЭ, разрабатываются программы повышения энергоэффективности в регионах и на предприятиях, активизируется работа с GCF.

Для интеграции мер по смягчению изменения климата и адаптации к изменениям климата в систему стратегического планирования Министерством экологии, геологии и природных ресурсов РК при поддержке GIZ разрабатывается Стратегия низкоуглеродного развития. В его основу положены действующие стратегические документы, такие как Долгосрочная Стратегия Казахстан - 2050, Концепция перехода к зеленой экономике и Стратегический План - 2025. На данном этапе представляется важным определить приоритетные направления и целевые индикаторы стратегии, так как от этого будет зависеть дальнейшее содержание и механизмы «зеленой» трансформации национальной экономики. А затем нужно будет продумывать механизмы реализации стратегии, что с высокой вероятностью потребует пересмотра и корректировки действующей в стране системы регулирования выбросов парниковых газов. Однако уже сейчас можно сформулировать некоторые базовые принципы:

1. Регулирование выбросов парниковых газов – это система мер по декарбонизации экономики и ее переводу на низкоуглеродный путь развития с перспективой достижения баланса между выбросами парниковых газов и их поглощением в соответствии с целями Парижского соглашения.
2. Чтобы удержать рост средней температуры в пределах 1,5 °C от доиндустриального уровня, как предусмотрено Парижским соглашением, на баланс нужно выйти не позднее 2050 г., а к 2030 г. надо сократить выбросы наполовину. Кажется разумным постепенно вводить плату за выбросы парниковых газов сверх указанных уровней с направлением собранных средств на поддержку мер по достижению заявленных целей через различные зеленые фонды и банки развития.

3. Плата за выбросы парниковых газов не должна рассматриваться как способ пополнения бюджета, а только как способ перераспределения средств в целях перевода экономики на низкоуглеродный путь развития. Целесообразно рассмотреть возможность снижения ставок (вплоть до нуля) по некоторым другим налогам или полной отмены некоторых налогов. Например, в случае России речь могла бы идти о налоге на имущество, НДС или социальных налогах.

4. Наряду с платой за выбросы парниковых газов, регулирование должно предусматривать широкий набор мер поддержки и стимулирования инвестиций в низкоуглеродные проекты и сектора с освобождением от налога на прибыль, субсидированием процентных ставок и софинансированием соответствующих проектов из бюджетов или из специальных фондов.

5. Важно с самого начала ориентировать расходы бюджета на эти цели. Декарбонизация не должна быть только делом бизнеса, она должна стать целью всей государственной экономической политики, что должно найти отражение в бюджете.